

ТОХТАБАЕВА Ш. Ж.

ЭТИКЕТНЫЕ НОРМЫ КАЗАХОВ

— Часть II —
Семья и социум

Культура и история Казахстана

Шайзада Тохтабаева

**Этикетные нормы казахов.
Часть II. Семья и социум**

Товарищество с ограниченной
ответственностью «LA GRÂCE»

2017

Тохтабаева Ш. Ж.

Этикетные нормы казахов. Часть II. Семья и социум /
Ш. Ж. Тохтабаева — Товарищество с ограниченной
ответственностью «LA GRÂCE», 2017 — (Культура и история
Казахстана)

ISBN 978-601-06-4015-3

Вторая часть монографии представляет иллюстрированную книгу, которая отображает семейно-родственный этикет казахов: специфические правила поведения и взаимоотношения членов семьи с учетом половозрастных особенностей. Важное внимание уделено этикету супругов, невестки и воспитанию детей. Освещены также поведенческие нормы, связанные с проблемами многоженства, развода, а также этническим осмыслением традиционных понятий о грехе, преступлений и способах их разрешений. В книге рассмотрены этикетные нюансы, вещественные сигнификаты социально-имущественных градаций, профессиональных различий казахского социума XIX в. Кроме этого проанализирован этикет казахов, отражающий не рядовые обстоятельства, а события экстремального характера, связанные с понятиями законности, права, военных ситуаций и правил похоронных обрядов.

ISBN 978-601-06-4015-3

© Тохтабаева Ш. Ж., 2017
© Товарищество с ограниченной
ответственностью «LA GRÂCE», 2017

Содержание

I. Стратификационный этикет	6
Семейно-родственный этикет	7
Этикет невестки	14
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Шайтаза Тохтабаева
Этикетные нормы казахов.
Часть II. Семья и социум

©iPUB 2017

I. Стратификационный этикет

Каждый индивидуум пребывает в определенной социальной матрице, основанной на разветвленной системе социально-общественных отношений. Эта система включает широкий спектр жизненных параметров, который начинается с семьи и общественных взаимосвязей и заканчивается производственными отношениями. При этом для каждой культуры (этнокультуры и субкультур) свойственны свои нормы поведенческой роли и этикета. Коммуникативные функции, регулирующие половозрастные, внутрисемейные, социально-имущественные, профессиональные, межродовые, межплеменные, межгосударственные отношения, были направлены на стабилизацию общества, в котором человек не чувствовал бы себя изолированным. В былые времена жизнь человека вне своего социума (рода и племени) была невозможна, поскольку он находился под его защитой.

Современный человек, находясь в нескольких ролях – муж (жена), друг (подруга), работник (работница), отец (мать), сын (дочь), – должен придерживаться определенных правил этикета. Однако социальная роль человека, особенно в настоящее время, может затуманивать индивидуальные черты и уводить внутрь его личностное своеобразие.

Семейно-родственный этикет

Многие каноны казахского семейно-родственного этикета XIX–XX веков были основаны, прежде всего, на обычном степном праве (*адат*), мусульманском праве (*шариат*), а впоследствии – на законодательстве Российской империи, советского государства и независимой Республики Казахстан. В нашей работе основное внимание уделено этикету досоветского периода.

У казахов родственные отношения строились по вертикальной генеалогической линии «...по принципу патрилинейной филиации, которая имела большую глубину, достигающую 25–30 и более поколений» [Масанов, 2011, с. 397]. Согласно обычному праву казахов, «...родство считается до сорокового колена» [Гродеков, 1889, с. 27]. Иерархия родственных приоритетов соотносилась с тем, от какой жены по счету родились дети. Наибольшим преимуществом пользовались дети первой жены (*бәйбіше*), а статус детей, рожденных младшей женой (*тоқал*), был ниже. Примечательно, что усыновленный юноша имел одинаковые права с родными детьми, тогда как незаконнорожденные дети (от наложницы, рабыни) имели гораздо меньше прав [МКОП, 1886, с. 190–191, 260].

В кочевых условиях жизни человек без родственников не мог выжить, поэтому он вынужден был искать состоятельного и влиятельного покровителя, войти в его род, что гарантировало ему защиту. Если же филиации индивидуумов и рода совсем не были приближены, то первые приобретали неравноправный статус *керме* [МКОП, 1886, с. 398]. Им трудно было выживать, в особенности – в контактных зонах: согласно традициям, по отношению к таким людям были разработаны подробные этикетные правила уничижительного характера. Имущество семей таких субъектов всегда было объектом захвата грабителями [МКОП, 1886, с. 211].

Родственный этикет основан на взаимопомощи (*жылы, немерің, үме*), необходимой во время стихийных бедствий, проведения свадеб, похорон и т. д. Родственники участвовали в сборе приданого невесты, жениху помогали собрать калым, большая часть которого раздавалась родственникам невесты, оказавшим ранее материальную помощь, а приданое раздавалось родственникам жениха. Истоки взаимообразной помощи восходят к периоду родового строя, когда общественное равноправие существовало для всех. С появлением собственности, имущественных различий, приобретших классовый характер, разложением патриархально-родовых отношений, а также зарождением товарно-денежных взаимосвязей родственные отношения значительно ослабились. В связи с развитием оседлости отношения с ближайшими соседями становятся более важными, чем связи с дальними родственниками: «*Жақын көрші алыс туысқаныңнаң артық*» («Ближайший сосед важнее далекого родственника»).

Во внутриродовом, межплеменном этикете прослеживаются некоторые оттенки субординации, соотносимые с древностью генеалогических ветвей и их многочисленностью, социально-имущественным уровнем и наличием значимых личностей. Однако в этикете преобладали торжественные интонации, выдвигались значимые цели, имеющие объединительный характер. Правила традиционного этикета были основаны на дипломатической корректности. При возникновении недопонимания, обид, ссор или разногласий обращались к самому уважаемому аксакалу, который был у всех в почете и авторитет которого был основан на личных характеристиках: честности, правдивости, неподкупности и мудрости. Он и разрешал все возникающие проблемы, а остальные обязаны были соглашаться с его мнением.

Важнейшей составной социума является семья, иерархия которой отличается перманентностью, тогда как члены ее – подвижностью, продиктованной возрастными характеристиками. Переход членов семьи из одного статуса в другой, связанный с возрастными и социальными изменениями, обозначался определенной обрядностью, а иногда – и ритуалами, которые, по мнению исследователей в определенной мере верифицируют стабильность социума [Байбурин,

1985, с. 15]. Структура семьи не была статична. Она могла быть малой индивидуальной (родители и дети); расширенной, состоящей из трех и более поколений (дети, родители, дедушки, бабушки и т. д.); большой неразделенной семьей (дети, родители, лица старшего поколения, женатые сыновья и их дети).

Анализ этикета с точки зрения внутрисемейных отношений, характеризующихся сложной иерархической структурированностью, раскрывает значение насыщенных вербально-кинетических конструкторов, направленных на создание гармонии, поддержание здорового морально-нравственного климата в семье.

Особенности этнического внутрисемейного этикета во многом определены пережитками патриархально-общинного образа жизни и родоплеменной структурой казахского общества. В результате разложения большой патриархальной семьи в конце XIX – начале XX века у казахов стала доминировать семья, состоящая из родителей, детей, не состоящих в браке, бабушки и дедушки. Следует отметить, что малая нуклеарная семья была характерна в большей мере для кочевых казахов, тогда как у земледельцев преобладала большая патриархальная семья; это было определено стремлением сохранить землю в целостности. Внутрисемейный этикет представляет собой сложно структурированную систему, в нем строго распределены статус, права и обязанности каждого члена семьи, актуализированы жесткие правила запретов, ограничений. В целом внутрисемейный этикет основан на половозрастной субординации, наиболее жестко регламентируемой, в особенности женской части семьи. В культурах авторитарного характера строже соблюдаются этикетные нормы, отражающие половозрастные градации. Каждому члену семьи отводилась определенная эмоциональная, психофизиологическая, трудовая роль, все должны были соблюдать соответствующие этикетные правила.

При кочевом образе жизни хозяином – распорядителем скота – считался глава семьи, в каком бы возрасте он ни был. Родители – правители семьи, поэтому от детей требовалось полное подчинение их воле, в особенности – воле отца. При этом отец – *же, отағасы* («верховный огня»), *көке* («синий», что выражает приближенность к культу Неба), – защищающий семью и являющийся ее опорой, удостоивался метафоры «высокая гора». Мать – *ана, шеше, отанасы* («мать огня») – являлась образным олицетворением чистого родника и обозначалась лексемой *ақ жаулықты* («в белом платке»). Роль матери была высока, это отражено в пословице: «Армак – от кобылицы, великан – от матери».

У казахов, как и других мусульманских народов, фразеологические выражения: «Трижды на себе мать в Мекку сvezи – с материнским долгом не считаешься», «Подчинение отцу – подчинение Аллаху» – отражают культ почтения родителей. Глава семьи, обладающий особой мудростью и заслуженным авторитетом, в различных критических обстоятельствах мог стать защитником не только своей семьи, но и всего рода.

Всеобщим уважением пользуется мудрый дед – *ата* («отец отца»), которого вне семьи называют белобородым (*ақсақал*). Имеются и другие лексические обозначения деда: *қарт* («старик»), *қария* («пожилой, старый человек»), *батағөй* («благожелатель», тот, кто благословляет), *шал* («старик», *просторечное*). В одежде мужчин старшего возраста исключались узоры, красный цвет, содержащие множительные интонации; волосы брились или коротко стриглись; таким образом, внешний вид делался нейтральным, бесполовым, что было свойственно и для тувинской традиции [Сагалаев, 1990, с. 78]. При ходьбе пожилые мужчины чаще наклонялись вперед, а руки держали за спиной или опирались на трость (*балдақ*). Казахи с особым почтением относятся к долгожителям. Если прадед (*баба, ұлы ата*) доживал до ста лет, то он приобретал статус почитаемого, священного старца и пользовался таким же вниманием и заботой, как и младенец. Старца сажали на белый войлок, молодые женщины кланялись ему в пояс и целовали в обе щеки, а он их – в лоб.

Среди пожилых людей были особо почитаемые личности в силу своего ума, жизненного опыта. Часто такой человек – мудрец, советчик – хорошо знал родовые предания, фольклор.

Он отличался манерами поведения, особой величавостью, за столом занимал самое почетное место. Авторитетные аксакалы старались вставать на защиту пострадавшего, поэтому они считались защитниками всего аула. Молодежь старалась получить благословение у такого старца, а прибывшие в аул молодые люди, в первую очередь шли здороваться с аксакалом, тем самым выражая ему свое уважение. Согласно этикету, молодой человек при встрече даже с незнакомым ему старцем обязан поприветствовать его.

Примечательна казахская пословица: «*Аймақтың құты – ақсақал, ауылдың құты – бәйбіше*» («Благополучие области – в старейшинах, благополучие аула – в мудрой женщине»). Большое внимание оказывали в семье также бабушке (*әже*), которая, обладая ценными народными знаниями и жизненным опытом, осуществляла, в меру своих сил, трансмиссию обычаев, обрядов, секретов изготовления домашнего текстиля. С ней советовались внуки, невестки. Ближе всех она была к внукам, присматривая за ними и занимаясь их воспитанием. Грубый оттенок содержит обращение, выраженное лексемой *кемпір* – «старуха», «бабка».

Считалось, что оказывая знаки уважения прадеду и прабабушке, молодые люди (по принципу подобия и контактной магии) обеспечивают себе долгую жизнь. Кроме того, уважение к старшему поколению должно было обеспечить защиту и покровительство в ином мире: «Если будешь почитать стариков, и тебя Бог почтет» («*Кемпір, шалды сыйласаң, сені құдай сыйлайды*»).

В южных областях Казахстана в XIX веке женский головной убор (*кимешек*) могли надеть на невестку до того, как она станет матерью, а в XX веке его надевали после рождения первого ребенка. В традиционной среде сельской местности севера Казахстана (в частности, у кыпчаков) женщина носила платок на голове, но как только у нее появлялся первый внук или внучка, на голову поверх платка белого цвета (*жуылық*) наматывали тюрбан. При этом платок закалывали по бокам. Угловые концы в виде легкой сборки эффектно выглядывали из-под безрукавного камзола. Белая ткань тюрбана была длиной семь метров, это имело не только эстетическое, но и практическое значение. Пожилые женщины объясняли это так: «Где бы мы ни были, при неожиданной смерти белый саван (*кебін*) всегда при нас». В старину из-за нехватки ткани было актуально иметь при себе ткань для савана [Информация Нурмановой А. Ш., к. и. н., Алматы].

Возрасту должны были соответствовать и другие элементы костюма. В старину пожилой женщине неприлично было носить украшения со вставками из красных камней и символикой множительных идей, выраженных через специфические формы с обилием подвесок. Женщины этого возраста снимали украшения для кос и дарили их дочерям или близким родственницам, а к концам кос подвязывали ключи от сундуков. Кроме этого, варьировались особенности одежды и поведенческого стиля, которые маркировали снижение половых функций. В настоящее время пожилые женщины вольны носить то, что хотят.

Интересный игровой обычай, направленный на стимулирование плодотворности у мужчины, бытовал у бурят. Он заключался в том, что семь пожилых женщин избивали этого мужчину своими штанами, после чего угощались ритуальным блюдом *саламат* [Хангалов, 1960, с. 371–374].

У казахов есть традиция – забирать первого ребенка сына и воспитывать его. В XX веке стали забирать у сына и его первую дочь. Если семья была большая и неразделенная, то иногда дети обращались к отцу *аға* («дядя»), а к матери – *жеңеіше* («тетя»), что было продиктовано желанием родителей не вызывать ревность со стороны бабушки и дедушки, к которым дети обращались *ана* («мама») и *көке* или *аке* («папа»).

В разных этносах устанавливаются некие различия относительно осмысления стариков и старух. Казахи, тюркоязычные народы Турции, Ирана, Ирака, Сирии считают стариков самыми почетными членами семьи [Васильева, 1988, с. 129], тогда как у тюркских народов Сибири к старикам двойственное отношение. С одной стороны, лица старшего возраста, не обременен-

ные человеческими слабостями, страстями и наделенные житейской мудростью, вызывают у них уважение и почтение, а с другой – эти люди осмысливаются как личности, уже выполнившие свои биологические функции и социальные роли (деторождение, воспитание), и поэтому рассматриваются как ущербные. В связи с этим у тувинцев лицам старшего возраста в юрте полагалось находиться ближе к выходу, т. е. там, где находились новорожденные жеребята, верблюды и складывались звериные шкуры. Вместе с этим к старикам как посредникам, промежуточным звеньям между этим и иным мирами общество испытывало некий страх [Сагалаев, 1990, с. 78, 79]. В Южной Туве старикам и старухам не разрешалось петь, тем более – свистеть, в юрте и вне ее: считалось, что это могло привести к отрицательным последствиям в жизни собственных сыновей [Потанов, 1969, с. 161].

Согласно представлениям бурят, «...если старик до глубокой старости не седеет, то худо для его потомства. Если пожилой мужчина седеет совершенно бело, то на старости лет он будет жить бедно или несчастливо, у кого поседевшие волосы имеют желтоватый или синеватый отлив, тот в старости будет жить хорошо, а также хорошо и счастливо будут жить и его дети» [Хангалов, 1960, с. 58].

Согласно хакасской традиции, если в юрту входил старец, то домочадцы непременно поили его водой, кормили, за что тот в знак благодарности рвал на себе седые волосы и дарил детям с пожеланием дожить до старости [Сагалаев, 1990, с. 80]. У якутов старики пользуются уважением и почетом, в связи с этим жена даже молодого мужа в знак уважения могла называть стариком [Сагалаев, 1990, с. 81].

У тюркских народов Южной Сибири старцы обладали, помимо уважения, еще и юридической властью, что определило бытование в XIX веке аульных судов стариков для разрешения мелких споров и ссор, чему добровольно все подчинялись. Роль старших лиц прослеживалась на свадьбах и похоронах, где ими исполнялись ритуальные действия, связанные с родильной обрядностью, наречением именами. Пожилым людям, которых относили больше к потустороннему, нежели к реальному, миру, придавалось особое значение в этикетном поведении старшего и младшего поколений, поэтому стариков никогда не обижали [Сагалаев, 1990, с. 81, 83]. При первом вхождении в новое жилище алтайцев именно старший в семье вносил на деревянной лопатке головню или угли, читая при этом молитву, обращенную к матери-огню [Дыренкова, 1927, с. 67].

В сознании тюркских народов Сибири имеет место деление на «свой, освоенный позитивный внутренний» мир (центральное ядро) и «чужой, неосвоенный, дикий, иногда – враждебный» (периферия). К ближайшей периферии относятся старики, дети, старые девы, бедные, несчастливые, вдовцы, сироты, бедняки и чужаки [Сагалаев, 1990, с. 115]. Южносибирские тюркские народы считают, что к таинственности и сакральной сфере знаний, помимо избранных, предопределены младенцы, старики и старухи, а также близнецы [Сагалаев, 1990, с. 108].

В обязанность родителей входило воспитание детей должным образом, что в определенной мере гарантировало им благополучное будущее. Родители старались привить детям позитивные качества, трудовые и творческие (музыкально-поэтические, ремесленные) навыки, морально-нравственные ценности, понятия о жизненных приоритетах, философское мировосприятие. В связи с этим у казахов, как и у других народов, существует поговорка: «Смотря на мать, бери в жены дочь», «Сын растет, глядя на отца».

Грубое отношение детей к родителям считалось позорным явлением и расценивалось традиционным обществом как своего рода преступление; считалось, что хорошее будущее перед неблагодарными детьми закрыто. Детям и взрослым запрещалось говорить со своими родителями, сидя в небрежной позе (скрестив ноги или широко расставляя их, опираясь на спинку стула), спорить с родителями, повышать на них голос или грубить им. Следовало почи-

тать и уважать родителей, считаться с их мнением, спрашивать их совета, даже живя отдельной семьей. В былые времена выбор жениха или невесты также определяли родители.

Молодой джигит не мог отказать в просьбе старшим родственникам не только из своей семьи, рода, но даже из другого этноса. Это приводило иногда к злоупотреблениям старшим поколением народными традициями, о чем писал Абай: *Сақалын сатқан кәріден, еңбегін сатқан бала артық* («Чем спекулирующий бородой старик, лучше ребенок, добывающий своим трудом»).

Как было сказано, казахская семья отличалась строгой структурированностью, что облегчало главе семьи управление ею и позволяло сохранять семейные устои. Иерархия места, занимаемого в семье детьми, зависела от их возраста, а также от того, от какой жены они родились.

Старший брат (*аға*) в семье занимает второе место после родителей. Он ответственен за младших, являясь их защитником и примером для подражания. Став совершеннолетним, старший сын мог быть и советчиком отцу. Младшие братья и сестры обращались к нему не по имени, что было запрещено, а лексемами *аға* или *ағатай*. Сестры были по отношению к старшему брату несколько застенчивы, поэтому вели себя подобающим образом и одевались по всем правилам. Развязность в кинетическом или вербальном отношении была недопустима, на нее старший брат мгновенно реагировал и строго отчитывал. О значимости в семье старшего брата говорят казахские пословицы и поговорки: «У кого есть старший брат, у того есть опора», «Дом старшего брата – широкое пастбище», «Пусть плох мой рукав, зато хорош воротник» (т. е. пусть я сам плох, зато хорош мой старший брат), «Чем быть старшим братом нескольких глупцов, лучше быть младшим братом одного умного». Старшие братья называют младших братьев *бауырым*, а старшие сестры – *інім*. Младшие братья и сестры, относясь с почтением и уважением к старшему брату, готовы были всегда быть ему опорой, а он после родителей должен был заботиться о них и нести ответственность за их здоровье, нравственность, благополучие и будущее. В осиротевшей семье старший брат брал на себя все заботы о младших. Имеется множество примеров, когда старший брат жертвовал своим будущим, чтобы дать образование младшим.

Особое положение в семье занимал самый младший сын (*кенже*), наследующий жилище родителей (*қара шаңырақ*), которые были на его попечении до конца их жизни. Старшие сыновья ценили членов семьи и семейные отношения настолько высоко, что за *кенже* готовы были отдать жизнь. При забое зимнего скота следовало отдавать ему определенную долю мяса (*сыбаға*). Такое отношение к младшему брату отражено в разных вариантах одной казахской притчи. Суть ее сводится к тому, что старший брат (старшая сестра) во время нашествия врага спасают младшего брата, жертвуя при этом жизнью собственного ребенка. Такое отношение к младшему брату обосновано жизненной целесообразностью. Родители, когда они еще дееспособны, помогают становлению семей старших сыновей, которым выделяют определенные наделы, а на младшего у них может не хватить и сил, и жизни. Именно поэтому свое имущество родители оставляют младшему сыну, на котором лежит святая обязанность содержать их и ухаживать за ними. Выходило, что жить с родителями было даже экономически более выгодно, так как в эту семью все отделившиеся сыновья и другие родственники несли гостинцы, подарки и долю (*сыбаға*) от забоя скота и любой другой прибыли, за что получали благословения. В связи с этим в народе считали, что наличие в семье деда или бабушки – благодать (*береке*).

Детей младшего брата старший брат воспринимает как своих, а сестры считают их своими младшими братьями. Младшие члены семьи, обращаясь к старшей сестре с уважением, называют ее *апай*. Младшую сестру братья называют *қарындас*, а старшие сестры – *сіңілім*. Обычно к ней относятся с особой заботой, часто балуют ее. Мужа старшей сестры называют *жезде*, ее ребенка – *жиен*; мужа младшей сестры – *күйеу бала* («зять»), а ее детей – *жиен*; жену старшего брата называют *жәңге*.

Для невестки старший брат мужа – *қайын аға* («деверь»), младший – *қайын*, старшая сестра мужа – *қайын ана*, а младшая сестра – *қайын сіңлі*. Младшие сестры и братья относятся к *жеңге* с особой теплотой и нежностью, доверяя ей свои секреты. Особенно доверительные отношения были у *жеңге* с младшими сестрами мужа. Значимость *жеңге* отражена в казахских пословицах: «*Жеңге мила, если в доме есть девушка*», «*Везучему джигиту жеңге встречается в пути*», «*Секреты девушки знает жеңге*», «*Брату всегда поможет жеңге*». *Жеңге* устраивала свидания младшей сестре мужа (*қайын сіңлі*) с женихом, даже брала одеяла и подушку и за аулом стелила им постель – *қалыңдық ойнау* («игры невесты»), на которой молодые иногда имели близость. Она охраняла их и под утро незаметно приводила золовку домой. Таким образом, *жеңге* выполняла посредническую функцию между женихом и невестой в предсвадебных, свадебных и послесвадебных мероприятиях, за что постоянно получала подарки.

Существовали разные этикетные тонкости, связанные с зятем. В былые времена бедные казахи, не способные заплатить *қалым*, отработывали его в хозяйстве отца невесты в течение многих лет. Бедные юноши после женитьбы оставались жить в семье тестя, получая при этом насмешливое прозвище *күшік күйеу* («зять-щенок») [Казахи, 1995, с. 297]. Так пренебрежительно могут называть зятя до сих пор.

Г. А. Мейрманова отмечает, что до свадьбы жених не имел права быть на почетном месте юрты, свободно общаться с родственниками невесты (*қайын*), в особенности – с родственниками мужского пола и по мужской линии, а также называть по имени родителей невесты. Непозволительно было шутить, разговаривать на фривольные темы, быть при родителях невесты без головного убора и обуви. Запрещалось обращаться к ее родственникам и подавать им руки для приветствия без предварительного подношения подарка [Мейрманова, 2009, с. 198].

После свадьбы появлялись другие запреты: «Зять не должен был курить, выпивать, проносить имя свекра и свекрови» [Мейрманова, 2009, с. 197]. В доме жены зять должен был сидеть не на почетном месте, а около двери (как и у татар мишари). Исследователи считают это пережитком, отражающим переход от группового брака к моногамному [Мухамедова, 1972, с. 143]. Мужа старшей сестры (*жезде*) молодые люди дергали за уши.

На больших мероприятиях в доме жены зять должен был помогать по хозяйству, кипятить самовар, колоть дрова и т. д. [Мейрманова, 2009, с. 198], что представляется не совсем точным. Такие установки были приемлемы по отношению к зятям среднего материального уровня, тогда как зятя высокого социально-имущественного статуса пользовались почетом и уважением. Согласно казахскому этикету, зять должен был называть тещу и тестя, бабушку, дедушку, а также старших родственников жены *ана* и *ата*, а не по именам.

Мужья родных сестер – *бажа* («свояки») – старались дружить между собой. «Если свояки дружны, то и скот дружен» («*Адамда бажа тату, малда бота тату*»), – говорят в народе. Если мужчины при встрече обнимаются, улыбаются, треплют друг друга за волосы, то это значит, что они – свояки. Как правило, у казахов между свояками хорошие отношения.

Свояченицы (*абысын*) – жены родных братьев – обычно тоже бывают дружны, поскольку от этого зависит здоровая атмосфера в семье. В этом смысл пословицы: «*Ағайын тату болса ат көп, абысын тату болса ас көп*» («Если братья дружны – лошадей много, если снохи дружны – еды вдоволь»). Их тесные взаимоотношения дают им возможность выговориться друг перед другом, поделиться радостью и огорчениями, снять психологическое напряжение. Старшая свояченица называлась *жеңеше* («старшая невестка»), а младшая – *келін* («младшая невестка»).

Сваты также старались сохранять добрые и сердечные отношения. Сватов называют *құда*, а сватьев – *құдағи*, родственники с обеих сторон тоже считаются сватами. Любопытно, что лексема *құда* имеет один корень со словом *Құдай* («Бог»). Это указывает на важность взаимоотношений сватов, от которых во многом зависит счастье поженившихся детей.

При взаимном посещении сватам должны оказывать почести и уважение: казахи сажали их на самое почетное место, резали скот и готовили для них богатое угощение. Всё делалось для того, чтобы отношения между ними были теплыми и дружественными. Есть казахский фразеологизм «*құда мың жылдық*» («сваты на тысячу лет») и речитатив: «Пусть сват будет, как ровесник, а сватья – как подруга. Сватья хороша почестями, а куырдак – жиром», подтверждающие это.

Необходимо отметить интересный факт, у казахов оценочный критерий личности иногда сводится к количественной категории. Так, например, в оценке зятя присутствует цифра «100». Приведем пословицу: «*Күйеу – жүз жылдық, құда – мың жылдық*» («Зять – на сто лет, сваты – на тысячу»). Смысл ее отражает временные отрезки взаимоотношений родственников с зятем, который может прожить сто лет, а породнившиеся семьи и их потомки могут общаться до двадцатого колена, что приравнивается к тысяче лет.

Единокровные родственники обозначаются лексемой *туыс*, двоюродные братья и сестры – *ағайындар*. Согласно традициям, они должны жить в единстве, проявлять заботу друг о друге, оказывать любую поддержку в трудных ситуациях. Дети старшего брата для его младших братьев и сестер считаются младшими братьями, а дети младшего брата для старшего брата – его детьми, поэтому он должен заботиться о них. Это объясняет традицию обращения их к старшему дяде лексемой *әке* («отец»). Согласно данной иерархии, дети младших братьев (независимо от их возраста) должны уступать детям старшего во всем: в выборе места за дастарханом, мяса при коллективном забое скота и т. д.

Родственников по отцовской линии до седьмого колена называли *ағайын жүрт*. Внутри этого клана запрещались браки, разрешалось жениться с позволения мулл и старейшин лишь после седьмого колена.

Дети родных сестер, являющиеся двоюродными сестрами и братьями, обозначаются лексемой *бөле*, а их дети – *қарын бөле*. Потомков мужского пола по линии дочери называют *нәсіл*, а женского – *нәсеп*.

Дети брата и сестры и родня матери называются одинаково – *нағашы-әженді*, лица, не имеющие прямого родства – *ілік*, потомки и дальние родственники – *жамағайын*, *жегжат*, *жұрағат*, члены семей и их родственники, породнившиеся через женитьбу, обозначаются лексемой *құда*. У казахов существовало также сознание об общности тюркских этносов, что отражено в пословице: «Дорога с дорогой и народ с народом сходятся».

В жизни каждой личности были весьма важны родственные отношения (*туыстық атау*). Согласно этикету, при знакомстве казахи, спустя некоторое время интересовались, из какого рода и племени визави. У всех казахов были три линии родственных связей: по отцу – *өз жүрты*, матери – *нағашы жүрты*, жены – *қайын жүрты*. При этом каждое направление родственников наделялось определенной характеристикой, основанной на вековых обычаях, этикетных нормах и жизненном опыте.

При наличии позитивных взаимоотношений между родственниками всё же встречаются и негативные нюансы. В соответствии с традиционными нормами осмысления оценочного характера есть мнение, что кровная родня (вероятно, из-за соперничества) подвержена иногда чувству зависти: «Если у тебя есть что-нибудь, завидуют, если нет ничего – не поделятся» («*Бар болса көре алмайды, жоқ болса бере алмайды*»). Бывает, что кровные родственники, проведя детство в одинаковых условиях, иногда испытывают чувство зависти к члену семьи, достигшему жизненного успеха.

Отношение родственников со стороны жены основано на уровне состоятельности и щедрости зятя, это отражено в пословице: «Если зять поднесет ценный подарок – он хорош, а нет, то он не гош».

Положительно воспринимаются родственники по линии матери (*нағашы*). Эта лексема прибавляется ко всем словам, обозначающим членов родственного клана со стороны матери.

Например, к бабушке со стороны матери дети обращаются со словами *нағашы әже*, а к дедушке – *нағашы ата*. В свою очередь детей дочери ее кровные родственники называют *жиен*. Родственников со стороны жены муж называет *қайын жұрт*. С особой теплотой казахи относились к детям дочери и сестер: «Хочешь вспомнить детство, – говорили они, – иди к родственникам по линии матери (*нағашы*), хочешь вспомнить молодость – иди к родственникам жены (*қайын*)» («*Балалығың ұстаса – нағашыңа бар, жигіттің ұстаса – қайыңыңа бар*»). Сын сестры, вспоминая детство, представляет себе сразу родственников со стороны матери, которые баловали его, а визит к родственникам жены дает возможность вспомнить молодость и период жениховства.

У казахов существует обычай *нағашылап бару*, когда дети, став уже взрослыми, могли гостить у родственников матери. Там их встречали с большим почетом и любовью и, по установившимся веками нормам, старались по возможности ни в чем им не отказывать. Согласно адату, *жиен* вправе трижды получить у *нағашы* в подарок всё, что пожелает [Баллюзек, 1871, с. 98–107]. Совершенно недопустимым было неблагоприятное, отрицательное отношение *нағашы* к *жиен*, что расценивалось как нравственный порок, об этом предупреждает пословица: «Не трогай *жиен*, а то руки станут трястись». Обычно, родственники матери, стараясь угодить *жиен*, чтобы он не ушел с обидой, дарят по традиции ценный подарок – *жиенқұрық* (живность). Согласно традиционному этикету, между *нағашы* и *жиен* устанавливались теплые родственные отношения и полностью исключались недомолвки, отчуждение и т. д. Такое отношение отчасти мотивировалось тем, что дочь, сестра уходят в другой клан, иногда уезжают далеко, поэтому поддержка их детей расценивалась как святая обязанность.

Однако в сознании казахов устанавливается некая иерархия, когда дети дочери всё же должны отдавать приоритет *нағашы*, а также некое двойственное отношению к *жиен*, иногда злоупотреблявшему традициями: «В борьбе с *нағашы* проигрывает *жиен*», «*Жиен* обиды не прощает», «Не говори, что *жиен* пришел, лучше скажи, что пришли семь волков». Тем не менее, место *жиен* гораздо выше, чем место зятя: «*Жиен* – выше тысячи, *күйеу* – выше ста».

Со временем, с разложением родовых устоев и отчасти – с возникновением материального неравенства, появились негативные нюансы во взаимоотношениях родственников, что отражено в пословицах: «Когда есть родственники, не говори, что не имеешь врагов, когда есть снохи, не говори, что нет соперниц». Старейшины требовали, чтобы раздоры между родными не разглашались: «Пусть родственники и ссорятся, они не отрекаются» (родовая мораль), «Похулив аргамака, где найдешь скакуна, похулив ближних, где найдешь родных?». Вместе с этим пословицы «Братьев двое, но в труде каждый из них одинок», «Есть родство по крови, но нет родства на скот» раскрывают факты отсутствия истинной общности в роду. Бывало, что пословица «*Туыс күншіл болады, ағайын жұрт сыншыл болады, нағашы тілекшіл болады*» («Кровные родичи бывают завистливыми, родичи по отцовской линии – оценивающими, а по материнской – благожелательными») отражала реальное положение родственных уз.

Соперничество между племенами заключено в пословице: «Аргыны строптивы, кипчаки святы». В народе существовала и критика родовых отношений: «Лучше терпеть обиду от чужих, чем от родных», «Умного не считай чужим, глупого не считай своим», «У молодца, вышедшего в люди, не спрашивай, кто его предки». «Болезнь – от пищи, тяжба – от родственников», «Собака страдает от своры, человек – от родственников».

Этикет невестки

Исследованию норм и принципов поведения женщины на Востоке в период после принятия ислама и до настоящего времени не раз уделяли внимание ученые-этнографы, фольклористы, культурологи и философы Казахстана, России, Узбекистана, Турции, Ирана, и других

стран ближнего и дальнего зарубежья. Стремительный интерес к вопросам состоявшихся и укоренившихся норм женского этикета в значительной степени объясняется феноменом правил общения и поведения в странах мусульманского Востока.

У казахов, как и у других народов Центральной Азии, при наличии строгой иерархической структуры семьи и обозначении места, роли, прав и обязанностей ее членов главный фокус психологического внимания всё же сосредоточивался на невестке (*келін*).

Ее молодость, нежность и внешнее обаяние вносили в дом атмосферу радости, эмоциональной приподнятости. Она должна была украсить жилище красочными произведениями прикладного искусства, привезенными ею в качестве приданого, и наполнить быт мелодией своего ласкового голоса, красотой и изяществом манер. Важное внимание уделялось учтивости и воспитанности невестки, что могло растопить любой лед. «Если будешь говорить ласково, то и змея выйдет из норы», «От злой женщины убежит сам дьявол», – говорят казахи, это в значительной мере касается и поведения невестки в доме.

В давние времена отношение родственников мужа к невестке основывалось на ее происхождении, значимости семьи ее родителей в материальном и социальном (наличия в роду знаменитых личностей: поэтов, батыров, ораторов) отношениях и на том, насколько богатым было ее приданое. В советские годы во внимание бралась трудовая активность девушки в общественной жизни. Со временем отношение к невестке могло трансформироваться в лучшую или худшую сторону из-за ее позитивных или негативных личностных характеристик.

В традиции казахов именно по отношению к невестке были разработаны наиболее жесткие этикетные нормы. Как только молодая переступала порог юрты мужа правой ногой (это предвещало благополучие в браке) и наливала масло в огонь, она становилась членом его семьи, рода. Ей тут же предлагали встать на овечью шкуру, чтобы родовые схватки и отношения с новыми родственниками в будущем были как можно более мягкими. С этого момента она должна была придерживаться массы предписаний, в связи с которыми ей приходилось постоянно находиться в психологическом и физическом напряжении. Невестка, воспитывавшаяся в родном доме, получала дополнительные знания об этикетных нормах в доме родителей мужа, приобретая дополнительный жизненный опыт. Она была особо привязана к той, кто первым откроет ее свадебное покрывало: «*Кім бірінші жаулықты ашады, сол адам жүрекке ыстық*» («Кто первым откроет свадебное покрывало, тот теплее всего сердцу»).

Прежде всего, невестка должна была соблюдать внешний этикет. Ей строго запрещалось ходить с непокрытой головой: посторонние мужчины не должны были видеть ее косы – важный признак внешних женских достоинств. Казахская невестка не смела не только стричься, но даже обрезать концы волос, которые утяжелялись подвесками из монет, а у пожилых – ключами.

В северных и восточных областях Казахстана невестка могла быть нарядной, надевать по праздникам свадебный головной убор (*саукеле*) и ювелирные украшения, особенно во время визитов к родственникам жениха. С первых дней ее беременности на нее надевали шелковую белую шаль (*бөртпе шәлі*) или белый платок (*ақ жаулық*). В южных областях Казахстана смена *саукеле* на женский головной убор (*кимешек*) производилась, как мы уже отмечали, старшей невесткой (*жеңге*) сразу после свадьбы, это отмечалось женским застольем. Однако чаще всего на молодую невестку надевали белый платок, а после родов – *кимешек*, что указывало на ее материнство.

Одежда у невестки до рождения первенца могла быть яркой (даже красного цвета, символизирующего магическую защиту и одновременно – плодородие), но после родов цвета ее одежды становились более сдержанными. Невестка могла открывать лишь кисти рук, остальные части тела, в особенности – ее ноги, шея и голова, должны были быть закрытыми. Согласно традиционному представлению, их мог видеть лишь ее муж, поэтому считалось, что жена, скрывая эти части тела, тем самым демонстрировала приверженность к традиционному эти-

кету, а главное – верность супругу и уважение к нему. В соответствии с традиционным этикетом замужняя женщина должна была скрывать достоинства своей фигуры: она не могла надеть облегающую одежду, подчеркивающую округлые формы. Ее платье было просторным, концы рукавов – широкими. Цвет платья был синим, зеленым, бордовым, помимо красного, не допускался и белый цвет. Всё это предпринималось для того чтобы не искушать посторонних мужчин, не вызывать в них любопытство и желание.

Такие установки отражены в записках (повествующих о диалоге с казахской женщиной Калисой) швейцарского путешественника XIX века А. Мозера: «Итак, я носил на шее медальон, содержащий в себе портрет женщины; я показал его ей; возвращая его мне, она сказала: «Это твоя любимая женщина? Это ты изобразил ее?» – «Да нет же, – ответил я ей очень удивленно. – Это художник с моей родины». – «Эта женщина тебя больше не любит, потому что ее видит другой человек, и на ней мало одежды...» [*В странах, 1888, с. 21*].

Невестка всегда должна была быть опрятной, благоухать свежестью и чистотой. Считаясь самой младшей в ауле, она должна была проявлять особую вежливость по отношению к окружающим. Кроме того, ей необходимо было постоянно следить за своими движениями. По сути, контролировать себя было не так трудно: манеры отрабатывались с детства. Невестка, сидя на стуле, не должна была класть ногу на ногу или потягиваться при родственниках мужа, ей запрещалось громко говорить и смеяться. В присутствии старших мужчин она должна была прикрывать лицо платком, сидеть или стоять к ним боком. Ей не следовало без необходимости входить в помещение, где находились свекор и другие старшие родственники-мужчины. Если невестке нужно было что-то узнать, то ей следовало просунуть голову в юрту и спросить об этом. Когда в помещение входил мужчина старшего возраста, то сидящие в юрте и беседующие невестки тут же вскакивали, отворачивали лицо и приветствовали (*салем*) его с легким поклоном. При этом по этикету мужчина, прежде чем войти в помещение, где могут быть женщины, должен был громко кашлять, сигнализируя о том, что он собирается войти; это было обосновано тем, чтобы дать время женщинам принять подходящие позы. Если вошедший мужчина вошел и сел на почетное место, то невестки выходили боком либо спиной к выходу, повернув склоненную голову к мужчине, неприлично было поворачиваться к старшим спиной. Они удалялись готовить чай.

Невестке запрещалось смотреть прямо в глаза старшим мужчинам, а свекра и деверя она могла обозревать лишь боковым зрением.

Производя любые действия, девушка должна была думать о том, чтобы выглядеть достойно. В присутствии родителей мужа и его старших братьев (*қайын аға*) ее место в жилищном пространстве было, преимущественно, около входа.

Наиболее старинная поза, в которой невестка приветствует родителей мужа и всех других мужчин, старших по возрасту – приседание. Приветствуя старших на улице, она должна была сделать полупоклон.

В настоящее время в Южно-Казахстанской области невестка производит *салем* поклоном со скрещенными ниже живота руками. Есть другой вариант приветствия старших родственников по линии мужа – склонить голову. Невестка не должна выходить из юрты к гостям, ей следует лишь поприветствовать вошедших. Перед чаепитием она льет на руки гостям теплую воду из кумгана.

А. И. Левшин пишет, что казахские женщины добродушны, чадолюбивы и сострадательны [*Левшин, 2009, с. 331*]. У казахов существует негласное предупреждение: если женщина льет слезы, то это – к беде, так она может накликают смерть своих близких. Если не было серьезного повода, то слезливость женщины расценивалась как неискренность, даже некое коварство. Очевидно, такие же суждения бытовали у туркмен. «Остерегайся женщины, говорящей сквозь слезы», – говорится в народной пословице [*Обряды, 2005, с. 88*].

Невестка никогда не смела перечить свекрови, а тем более – свекру, она не должна была выказывать свое огорчение или недовольство чем-либо, проявлять характер. Предпочтительные качества невестки – стыдливость и скромность, а вот ее чрезмерная самостоятельность без надобности не одобрялась. К младшим братьям и сестрам мужа (*қайын* и *қайын сіңлі*) она могла относиться как к равным, проявлять по отношению к ним заботу и расположение.

Проявляя щедрость, она раздаривала младшим золовкам ювелирные украшения, а золовке на выданье могла подарить и свадебный головной убор.

Младшие золовки, попавшие под обаяние невестки, начинали делиться с ней своими секретами и видеть в ней своего рода наставницу. Та, в свою очередь, несла за них моральную ответственность и старалась давать им разумные советы; так она словно продлевала свою молодость, погружаясь в мир девичьих тайн.

Соблюдение казахской невесткой обычаев «избегания» и иносказательности в обращении к старшим родственникам мужа было непреложным правилом. Как пишет И. Алтынсарин, «...молодая женщина два-три года после замужества не показывается своему свекру и вообще всем родственникам мужа, старше его летами. Войдя в их кибитку, она не может идти пяти-шести шагов от двери внутрь кибитки, при нечаянных встречах со старшими (*қайын аға*) она отворачивается и делает им коленопреклонение, за что получает от них благодарственное слово: *көп жаса* – живи долго» [Алтынсарин, 1976, с. 25].

Строго был разработан вербальный этикет невестки... молодая не может назвать настоящим именем родственников и родственниц своего мужа; каждого из них она зовет по-своему, дав им другое имя, сходное с их настоящим...» [Алтынсарин, 1976, с. 26]. Она давала им ласковые или уважительные прозвища: *еркетайым* («баловник мой»), *мырза жігіт* («щедрый джигит»), *көркем қыз* («изящная девушка»), *әдемі бала* («стройный парень»). Нельзя было называть по имени свекра и свекровь, а также старших братьев мужа и даже произносить имена предков мужа.

К свекру невестка обращалась как к деду своего ребенка, например, *Ерланның атасы* или *ата*, *Ерланның әжесі* или *әже*. Даже в наши дни в сельской местности невестки заменяют имя свекра лексемой, обозначающей его должность: *мұғалім ата* (учитель), *доктор атам*. У казахов часто встречаются имена, обозначающие должности людей или природные объекты, а также представителей животного мира. При упоминании этих природных объектов или животных, с которыми связаны имена предков либо старших родственников, невестка должна была находить иносказательные приемы, чтобы сообщить необходимую информацию. Существует юмористический рассказ, как *келін*, желая сообщить сородичам о том, что волк съел их корову, применила следующее выражение: «*Сарқыраманың аржағында, сылдырламаның бер жағында ұлыма біздің мәңгіреміні жеп жатыр*» («На той стороне журчащей, на этой стороне шумящего воющий поедает нашу мычащую»). Здесь она смогла не назвать слова «река», «камыш», «корова», «волк», так как эти слова обозначали имена родственников мужа.

По традиции у кочевых казахов запрещалось упоминать слово *қасқыр* («волк»), что считалось плохой приметой из-за вероятного нападения этого хищника на домашних животных. Именно поэтому волка называли *итқұс* («собака-птица»). Этот запрет в разных регионах Казахстана объясняется неодинаково.

Такие же правила соблюдала невестка у ногайцев [Гимбатова, 2007б, с. 149–151], а у татар и башкир невестке запрещалось быть словоохотливой в присутствии свекра [Султанов, 1982, с. 108].

Похожие этикетные требования существуют в традициях народов Средней и Передней Азии, Северного Кавказа [Кисляков, 1969; Гаджиева, 1985, с. 172–174]. Сходные обычаи «избегания» невесткой свекра и старших родственников мужа устанавливаются также у татар мишари, у которых она не должна была сидеть с ними за одним столом и даже находиться

в одном помещении [Мухамедова, 1972, с. 143]. Избегать старших родственников мужа и не произносить их имена старались невестки многих тюркских народов.

По алтайским этикетным нормам невестка должна скромно опускать взор, не переходить дорогу старшему [Радлов, 1989, с. 310]. У каракалпаков сторониться родственников мужа следовало от года до двух лет, прекращалось это после получения подарка от них «за открытие лица» [Этнография, 1980, с. 238]. Кроме того, невестки не должны были без крайней нужды обращаться с просьбой или вопросами к свекрови, они даже ели отдельно от нее [Этнографические очерки, 1969, с. 201].

Отмечая общие черты обычая «избегания» невесткой у тюрко-монгольских народов, следует подчеркнуть и некоторые различия в нем. Так, например, у казахов невестка должна была избегать только старших родственников мужского пола, а с младшими у нее могли быть дружественные, даже интимные, отношения, что не возбранялось [Левшин, 2009, с. 338]. У каракалпаков новобрачная избегала встреч даже с пяти-шестилетними братьями [Этнографические очерки, 1969, с. 201], у узбеков невестка в течение 40 дней не выходила из помещения для предотвращения сглаза; она вела затворнический образ жизни и жила изолированно на женской половине [Этнографические очерки, 1969, с. 201, 202].

Большим достоинством невестки было ее трудолюбие. Признаком хорошего тона считается, если невестка, проснувшись раньше всех на следующий после свадьбы день, подвывает один или несколько перстней к свисающей с купольного отверстия веревке (*түндік бай*) [Тохтабаева, 2005, с. 210]. Эти перстни предназначались в дар родственницам мужа. Преподнесенные в такой форме изделия приобретали, видимо, сакраментальный смысл, молодая могла повторить дарение и в других юртах родственников мужа. Сходное значение в таких театрализованных действиях придавалось дарению колец и у алтайцев: «...невеста, стоя в дверях первого семейного жилища, оделяла всех присутствующих медными кольцами». Это, по мнению исследователей, означало «...символическое приобщение участников торжества к плодородию нового брака» [Львова, 1988, с. 174]. Интересный обычай существовал у хакасов: невестка при первом входе в дом дарила бусы, бросая их девушкам, что являлось предзнаменованием семейного счастья [Львова, 1988, с. 174].

Невестка-казашка должна была вставать раньше всех и открывать войлочное полотно (*түндік*) купольного отверстия, что считалось ее неременной обязанностью. Желательно, чтобы она открыла *түндік* не только в юрте мужа, но и в юртах его ближайших родственников. Если она поздно открывала *түндік*, то говорили, что невестка ленива. О смерти хозяйки иногда иносказательно говорили: «Некому открыть *түндік* в доме». Ложиться спать невестка должна была позже всех.

А. И. Левшин пишет: на женщинах «...лежит половина попечений о скоте, они сверх того занимаются рукоделиями и приготовлением одежды себе и детям, они же должны заботиться обо всем нужном для мужей своих, даже иногда седлать им» [Левшин, 2009, с. 331].

Стирку в доме мужа невестка начинала с одежды свекра, неженатых братьев, мужа, свекрови, затем она стирала вещи всех остальных и лишь в последнюю очередь – свои. Как и в девичестве, стирку ей следовало начинать с правого рукава. Стирка, уборка жилища и приготовление еды входили в обязанности невестки. Кроме того, поздним вечером она ежедневно чистила сапоги (вначале – правый, затем – левый) свекра, а также обувь свекрови, мужа и неженатых деверей.

Невестка должна была быть рукодельницей, иметь художественный вкус. От нее ждали красоты во всем (манерах, жестах, грациозной походке, умения навести уют в доме мужа): «*Істеген қыз істеп кетеді, істемеген қыз бармағын тістеп кетеді*» («Искусница всё приготовит сама (даже приданое), а ленивица будет кусать палец в доме мужа»).

Главное, что должна была уметь невестка, – это быть прекрасным кулинаром и красиво оформлять *дастарқан*. Самыми страшными пороками женщины (после прелюбодеяния) считались неумение и скупость, проявленные ею при встрече гостей.

В будни невестка, присев на одно колено, подавала первую чашку со словом «*дарағы*» свекру, затем – свекрови и далее – по старшинству. Если за дастарханом собралось мало людей, она должна каждому подать налитый ею чай, а не передавать пиалы с ним через других. После трапезы при уборке стола невестке следовало сделать поклон свекру.

Отмечая строгость этикета казахских невесток, следует обратить внимание на некоторые исключения. Очевидно в поведении женщин северных, восточных областей Казахстана все же присутствовала некоторая раскованность, что подмечено В. В. Радловым. Так, он сообщает, что казахская невестка должна приветливо встречать гостей, остроумно отвечать на шутки товарищей мужа [Радлов, 1989, с. 311]. Иногда, пишет автор: «Шутки между сверстниками мужа и нередко очень молодой женой, так же, как разговор между мужем и женой в присутствии свидетелей, часто становятся совершенно непристойными, приобретая чрезвычайно чувственный и похотливый характер» [Радлов, 1989, с. 335]. В данном замечании В. В. Радлова прослеживается вольность казахских женщин, недопустимая для среднеазиатских традиций.

Во время поста (*ораза*) невестка готовила и накрывала стол, обслуживала старших, это приравнивалось к тому, что она сама соблюдала пост.

Для невестки было много запретов, которых ей следовало придерживаться. Ей запрещалось укрываться халатами родителей и мужа, садиться на постель родителей: считалось, что это неэтично и могло привести к заболеваниям поясницы и ног. Во время верховой езды невестка не должна была садиться на седло тестя и старшего брата мужа, а во избежание бесплодности ей нельзя было перешагивать через аркан, коновязь [Токтабай, 2004, с. 61, 54].

Некоторые этикетные правила остаются неизменными и в настоящее время, хотя следует отметить, что невестки приобрели большую свободу в поведении. По-прежнему они должны быть предельно предупредительны, вежливы, заботливы и добры в различных жизненных обстоятельствах. И в наши дни грубым нарушением этикета считается, когда невестка, открыв дверь квартиры мужу, свекру, свекрови или другому родственнику, тут же удалится в свою комнату, не спросив о самочувствии, делах и новостях на работе.

Когда невестка осваивалась в новой обстановке, ее вместе с мужем и другими членами семьи начинали приглашать домой родственники мужа на *үй көрсету* («показ дома») или *отқа шақыру* («приглашение “на огонек”»). Там в спокойной обстановке оценивали ее воспитанность и манеры. Она должна была с поклоном войти в дом и у порога оставить принесенный ею подарок, о котором она заранее посоветовалась со свекровью. Подарки были в виде ковра, собственноручно вышитых ею полотенца, скатерти, покрывала и т. д. или отрезков тканей. Эта традиция жива и в наши дни.

В ответ женщина старшего возраста совершала обряд *шаңу*, осыпая невестку конфетами, монетами. Перед уходом гостей хозяйка дарила что-либо из одежды или предметов хозяйственного назначения, это называется *өңір салу* («вложить нагрудник»). Так проявлялись практическая помощь и забота о молодых. После такого введения в родственный круг невестка могла уже посещать родственников мужа без официального приглашения.

Наиболее уважаемой считалась женщина, имевшая много сыновей. Чтобы молодая невестка приобрела такой же статус, с первых же дней семейной жизни обращалось внимание на то, чтобы стимулировать ее здоровье и детородные функции. Для этого осуществлялись различные магические действия, а в костюм вводились талисманы с идеями плодородия.

В былые времена в первый год замужества невестке не позволялось навещать своих родственников. Она обязана была спрашивать позволения у свекрови навестить родителей, которые могли жить рядом. Даже в наше время воспитанные невестки спрашивают разрешение даже на то, чтобы позвонить по телефону родителям. В некоторых областях до сих пор суще-

стствует правило для невестки – не ночевать у родителей до истечения года со дня свадьбы; считается, что это может привести к разводу. Невестка может посетить своих родителей, но без ночевки, а еще лучше, не заходя в их дом, встретиться с ними на нейтральной территории.

В недавнем прошлом в Южно-Казахстанской области после свадьбы молодожены и родственники мужа ездили в гости к родителям невестки (*куе тусу*) с подарками. В правый карман пиджака зятя клали зеркало, мыло, расческу, платок, а в левый – изюм, курагу, конфеты. Родственникам невесты, в особенности – двум старшим снохам (*женге*) вручали подарки (в основном отрезки ткани). Когда зять входил в дом старшей снохи, то младшие сестры невестки лезли ему в карманы и со смехом забирали их содержимое. Затем *женге* расстилала перед ним два вышитых платка, первый из которых он забирал себе, а на второй должен был положить изюм и другие сухофрукты. В качестве развлечения устраивали песенное состязание сватов (*құда айтыс*).

Помимо этикетных правил для невестки, существовали определенные правила и для старших родственников, особенно – для свекра (*қайын ата*). У казахов считалось, что стыдно опозориться перед молодой, это подобно чуть ли не смерти. В соответствии с традиционным этикетом свекру и старшим братьям мужа нельзя было пристально или в упор смотреть на *келін*, позволялось лишь бросать легкий взгляд на нее. При входе в юрту свекор, как мы уже говорили, обычно предупреждал невестку покашливанием, чтобы она приняла подобающую позу, или встала (при свекре ей было непозволительно сидеть). Такие этикетные правила для невестки (обозначаемые как «избегание») и предельная сдержанность со стороны старших родственников являются результатом противодействия групповым бракам, имевшим место в древнейшие времена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.